

В концепции И.И. Туранского происходит, в определённой мере, отождествление понятий «интенсема» – «любая форма, любое языковое средство, любой способ как «шаг», сигнализирующий движение вверх или вниз по шкале интенсивности, как шаг-переход со ступеньки на ступеньку» [Туранский 1990: 28] и «интенсификатор» – «синоним ступени, шага на шкале интенсивности» [там же: 29] (то есть происходит неразличение единиц плана содержания и плана выражения). Отчасти это происходит в силу того, что И.И. Туранский рассматривает семантическую категорию интенсивности с позиций экспрессивной стилистики, вследствие чего главным вопросом для него, по его же собственному определению, является вопрос «какова степень интенсивности высказывания» [там же: 35]. Понятие «интенсемы» (= интенсификатора) помогает И.И. Туранскому квантифицировать степень интенсивности: наличие в отрезке текста (слове, словосочетании, предложении) одного интенсификатора сигнализирует о первой ступени интенсификации, двух – о второй и т.д.

Не в полной мере определено место интенсемы в структуре семантемы – вещественной части слова, той его части, которая несёт его лексическое, материальное значение [Ахманова 1966: 400]. На этот факт обращает внимание С.Е. Родионова: «представляется необходимым исследование взаимодействия семы интенсивности с другими компонентами лексического значения слова [...] При этом интерес представляют как более изученные эксплицитные выразители интенсивности – интенсификаторы (очень, страшно, безумно, невероятно и т.п.), так и интенсификаты – слова, у которых сема интенсивности имплицитно содержится в их значении» [Родионова 2004: 306].

Отдельные исследования затрагивают лишь определённые аспекты этой проблемы. Так, М.М. Литвинова в ходе своего диссертационного исследования заключает, что «на уровне лексического значения слова интенсема может являться не только частью (или составлять его целиком) денотативно-сигнификативного и коннотативного макрокомпонента, но также иметь статус потенциальной семы, получающей актуализацию в особых речевых условиях» [Литвинова 2002: 8]. Пр.: *Прав было маловато, зато обязанностей вагон.* (В.П. Катаев).

Е.В. Бельская, анализируя семантику интенсифицированных слов, вводит понятие «семантические диффузы» – «слова, возникшие в результате абсолютизации интенсемы в структуре значения и потому без учёта контекста приложимые к широкому кругу интенсивных действий [Бельская 2001: 15]. Пример: *Вылазь, дяденька, сыть на крышу* (М.А. Булгаков).

Вышеизложенное показывает, что в современной лингвистике понятие интенсемы изучено не полностью, исследования данной проблемы фрагментарны и не содержат целостного, всестороннего анализа, что свидетельствует о необходимости такого рода изысканий не только для осмысления механизмов интенсификации, но и для изучения семантических процессов в целом.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
Литвинова М.М. Способы выражения интенсивности признака на материале ранних сатирических произведений Михаила Булгакова. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 2002.
Родионова С.Е. Интенсивность и её место в ряду других семантических категорий. // Славянский вестник. Выпуск 2. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 300-313.
Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.

О.И. Кальнова (Россия, Самара)

ЭКЗОТИЗМ КАК ТИП ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА

Одна из современных типологий иноязычных слов ставит во главу угла признак наличия/отсутствия эквивалента в системе языка-реципиента [Маринова 2008: 42]. Деление всех иноязычней на эквивалентную (так называемые вторичные наименования реалий, уже имеющих обозначения в языке) и безэквивалентную лексику (в данной типологии к ней относятся не только экзотизмы, но и обычные заимствования – вообще все иноязычные слова, не имеющие эквивалента в языке-реципиенте), с одной стороны, привлекает своей простотой и непротиворечивостью, а с другой – требует детального анализа. При таком понимании особенно важным оказывается исследование природы экзотических слов, в самом определении которых отсутствие эквивалента в заимствующем языке является базовым.

Указанная типология предполагает один путь развития экзотизмов – деэкзотизацию¹, то есть утрату важнейшей семы денотативного макрокомпонента ‘в такой-то стране, у такого-то народа’.

«Как только из чужой культуры заимствуется реалия, обозначаемая экзотическим словом, происходят изменения в жизни самого слова. Во-первых, меняется тип лексического (денотативного) значения – оно становится неэкзотическим; во-вторых, изменяется семантическая структура бывшего экзотизма: за счет потери локального компонента, или локальной окраски, происходит расширение значения слова» [Маринова 2008: 329].

Действительно, такая форма лексико-семантического освоения экзотизма наиболее типична. Это подтверждается и историческими языковыми фактами, и примерами недавних «превращений» экзотизма в обычное заимствованное слово. В лексикографической практике утрата экзотизмом инонационального компонента значения находит отражение в том, что в толковании значения слова исчезает указание на страну (или регион), тот или иной народ. Так, например, значение слова *батик* в современных словарях толкуется по-разному: в одном случае – в экзотическом значении, в другом – неэкзотическом (в связи с распространением у нас национального индонезийского способа раскрашивания тканей и пошива одежды из таких тканей). Ср.: ‘техника живописи по ткани, при которой рисунок наносится тонким слоем воска и остается неокрашенным при погружении ткани в краску’ [ТСРЯ 2006]; ‘многоцветная ткань у народов Индонезии’ [Крысин 2007].

Слова, обозначающие одинаковые или сходные понятия, но относящиеся к разным культурам, по-разному воспринимаются носителями языка-реципиента в зависимости от степени распространенности на новой почве обозначаемой ими реалии. Так, слово *сауна*, которое относительно недавно ассоциировалось именно с финской баней (‘финская баня с горячим сухим воздухом парной, который надо чередовать с холодной водой бассейна’ [МАС 1984], в XXI веке имеет словарное толкование уже без национального компонента значения: ‘горячая сухая баня’ [Крысин 2007]. Слово *хаммам/хаммам*, отраженное еще словарями XIX столетия как *гаммам* [Дмитриев 1875; Дубровский 1883; Михельсон 1898], хотя и известное многим современникам как турецкая баня, в новейших толковых словарях, тем не менее, отсутствует. Объяснение подобных фактов находится вне собственно языковой сферы: судьба слов одной тематической группы определяется степенью закрепления обозначаемой ими реалии в жизни заимствующего эту реалию народа (в данном примере стабильность экзотического статуса слова *хаммам/хаммам* можно объяснить меньшей распространенностью турецкой бани по сравнению с финской).

Заимствование реалии, как правило, лишает экзотизм его национальной специфики, однако процесс этот неоднозначен. Можно привести немало примеров наименований инонациональных предметов быта и культуры, которые появились в нашей жизни, но не стали ее атрибутом: в магазинах продают *кус-кус* (распространенное в арабских странах кушанье), *паэлью* (испанское национальное блюдо), *мате* (парагвайский напиток типа чая), все знают, что такое *суши* и *текила*, однако, несмотря на определенную распространенность этих понятий, в нашем сознании они продолжают ассоциироваться со странами, откуда они были заимствованы.

Следует, очевидно, признать, что часть экзотической лексики тяготеет к терминам, оставаясь при этом типичными экзотизмами. Например, это наименования ветров: *хамсин* ‘сухой и знойный ветер в Египте, дующий из пустыни’, *самум* ‘знойный сухой ветер в пустынях Аравии и Сев. Африки, несущий пыль и песок’, *трамонтана* ‘холодный северный и северо-восточный ветер в Италии и Сев. Испании’, *сирокко* ‘сухой и знойный африканский ветер, дующий в средиземноморских странах’ [Крысин 2007] и др. Принципиальная невозможность заимствования некоторых реалий в силу несовпадения климатических характеристик, расовых, политических, религиозных и культовых признаков и условий и т.д. обеспечивает неизбежность и относительную регулярность употребления ряда слов и неизменность их экзотического статуса.

Лексико-семантическое освоение экзотизма, помимо пассивного знания о реалии, может выражаться в «преодолении» стандартной сочетаемости. Для некоторых тематических групп экзотизмов типичен «жесткий», стандартизированный контекст: для наименований денежных единиц характерна сочетаемость с лексемами *стоит*, *стоимость*, *прибыль*, *дефицит*, *зарабатывать*, *уплатить* и т.п.; наименования одежды и обуви включаются в контекст, обязательными элементами которого, как правило, являются суще-

¹ Термин «деэкзотизация» представляется не вполне удачным, так как подразумевает противопоставление «экзотизации» – не существующему в языке процессу.

ствительные со значением лица или личное местоимение и предлог **в** (*музыканты в строгих белых куклях; женщина в черной абайе; в белом сари...она казалась воплощением спокойствия*).

Для других тематических групп экзотизмов характерен контекст, включающий различного рода пояснения – от свернутого определения (синтаксически выраженного в аппозитивных сочетаниях – или приложением, или главным словом) до развернутого определения или языкового комментария (представленного этимологической справкой или переводом): *Партия в карты или дадос – игра в кости – оживленно комментируется посетителями* (Вокруг света); *...большой кувшин, зир, в котором хранятся финики* (О.Г.Герасимов); *Попробуйте мешуи – каре ягнёнка, запечённое с травами, и джайа махамара – цыплёнок, фаршированный миндалём, изюмом и кускусом* (Телесемь); *Обзавестись ниссе. Это обязательный рождественский персонаж у датчан – маленький домовёнок в красном колпачке, первый помощник Санта-Клауса и большой любитель сладкого* (ОК!); *От него хорошо виден ещё один огромный монумент с факелом наверху – памятник идеям «чучхе» («самообеспечение»)* (Известия); *Минестроне – это суп без рецепта, как министр без портфеля. По-итальянски Minestra – это суп. А суффикс -оне- увеличивает его основательность и серьёзность. Минестроне – это супище, если по-нашему* (Телесемь).

Такие контексты свидетельствуют о высокой степени семантической «несвободы» экзотизма. О том же говорит употребление экзотизмов в строгом соответствии с их «географической пропиской», что приводит к устойчивости ассоциаций с определенной страной или народом. Таким образом, экзотизмы превращаются в своеобразные словесные символы той или иной страны: *Но Мексика и на такое не тянет. Это – нелегальные эмигранты, Акапулько, текила, «Помни Аламо!», нефть, любимая феминистка Фрида Кало, лепешки такос...* (П.Вайль); *То есть: либо фламенко, Инезилья, маха полуобнаженная, коррида и всяческая кумпарсита; либо – аутодафе, гофрированный воротник, Сид, замковые ворота и всяческое удалго* (П.Вайль). Не случайно лингвисты говорят о сложившихся в языке сериях экзотизмов, устойчиво ассоциирующихся с тем или иным народом (Испания традиционно характеризуется словами *коррида, тореро, матадор, фламенко* и др.; Япония – экзотизмами *сакура, самурай, харакири, саке, гейша* и т.д.).

Выход за рамки привычного употребления экзотизмов может проявляться в разных фактах и свидетельствовать о большей или меньшей степени самостоятельности экзотических слов. Примеры использования экзотизмов, по «паспорту» принадлежащих одной стране, для описания другой, следует считать одним из признаков того, что экзотизм включается в процесс семантического освоения. *Картины, картинки и картиночки на стенах и хорошая икебана завершали впечатление состоятельного и уютного бразильского дома* (Вокруг света); *С парковой балюстрады открывается вид на шестирядный парижский хайвей, гул машин непрерывен до незаметности...* (П.Вайль).

Еще более выразительными становятся признаки семантического освоения экзотизмов в контекстах, выявляющих не только смысловые, но и стилистические сдвиги. Чаще всего у экзотизмов наблюдается ироническая или саркастическая коннотация.

Почему они так уверены, что революция, о которой столько лет говорят генацвале, свершится? (Комсомольская правда-Самара); *Обвел взглядом комнату, где оказался. «Соседка??...» – надобно его слышать: такое меццо... какие палаццо, какие Ниццы, какое, где и ему никогда не бывать, подложил он под образ этого голоса?* (А. Битов); *Потом Лялька связалась не то с кришнаитами, не то с саньясинами – Чистяков, занятый предсъездовской идеологической вахтой, особенно не вникал, – но их любимого гуру замели, или за растение малолетних, или за политику, и секта распалась* (Ю.Поляков). *Ох как полиняли единокороссовские гуру!* (АиФ); *Им куда привычнее играть роль эдаких экономических гуру, обладающих тайным знанием и через губу бросающих высокомерные резюме любым социальным инновациям...* (Там же); *– Ах вот какая ваша этика! Опять антропоморфизм... опять апартейд животного мира!* (А. Битов); *Он расстроится. Ещё сделает харакири. Мало ли...* (Известия); *И вот теперь он вышел из своего самодельного ашрама и своих таинственных мыслей и требует суда, и наказания, и штрафа, и запрета, и проклятия для этой дурацкой действительности* (Новая газета) (о Дж. Сэлинджере); *Ничего не могу с собой поделатъ, ночью превращаюсь в зомби!* (ОК!)

Примеры словоупотребления показывают, что семантические и стилистические преобразования отмечаются как у слов, развивших на русской почве новое, неэкзотическое значение (*гуру, зомби* и др.), так и у слов, отмечаемых словарями только как экзотизмы (*апартейд, харакири* и др.). Неэкзотическое значение нередко сосуществует в языке с его прямым, экзотическим значением: *В отдаленном лагере красиво раскрашенных кришнаитов я беседовал с их гуру. Гуру рассказал мне, что мое неказистое тело – инструмент познания Бога* (Н. Лухминский); *Черная Африка всегда манила европейцев незагаданными тай-*

нами. Прежде всего – загадочной религией «вуду» с ее духами-лоа, людьми-зомби и утыканными иголками куклами (Пульс Поволжья).

Особого внимания заслуживает вопрос о роли словообразовательной активности иноязычных слов в языке-реципиенте. Упрощением следует признать точку зрения, в соответствии с которой наличие у экзотизма производных свидетельствует о его деэкзотизации, то есть изменении статуса слова. Словообразовательная активность экзотизма говорит о его более или менее самостоятельной жизни в языке-реципиенте. Производными «обрастают» многие экзотизмы: *бантустан* – *бантустанский*, *капоэйра/капоэйра* – *капоэйрист/капоэйрист*, *риксиа* – *велориксиа*, *хунвэйбин* – *хунвэйбинка*, *хунвэйбинский*, *хунвэйбинщина*, *аймак* – *аймачный*, *внутриаймачный*, *айком*; *баньян* – *баньяновый*; *рейдер* – *рейдерский*, *антирейдерский* и др. От экзотизмов, в большинстве своем представленных конкретными существительными, легче всего образуются прилагательные, причем возможности образования производных не всегда напрямую зависят от степени освоенности экзотизма, а определяются чисто формальными причинами. Словообразовательная активность не всегда приводит к утрате экзотизмом семы 'в такой-то стране, у такого-то народа'. Данное замечание принципиально важно для общего понимания типологии иноязычных слов: не деэкзотизация, а развитие экзотизма на новой языковой почве. Причем развитие это возможно в двух направлениях: как утрата связи между словом и экзотическим денотатом, то есть превращение экзотизма в неэкзотизм, и как дальнейшее освоение экзотизма без утраты им экзотической семы денотативного значения. Можно привести не один пример слов, давно функционирующих в русском языке, но сохраняющих свою экзотичность, несмотря на наличие производных (*духан* – *духаницик*, *духаница*; *пагода* – *пагодный*; *феллах* – *феллахский* и др.). Способствует закреплению в словаре принимающего языка и параллельное заимствование однокоренных экзотизмов: *гондола* – *гондольер*; *мачете* – *мачетеро* и др.

Человек XXI века имеет практически неограниченные возможности получения информации. Открытость нашей страны для межкультурного обмена, благоприятные условия для путешествий в разные, самые отдаленные, самые экзотические уголки мира, знание иностранных языков позволяют знакомиться с отсутствующими в российской жизни денотатами не только в виртуальной, но и в реальной действительности. Большой массив экзотических реалий становится доступным в визуальной и звуковой форме. Объем и скорость получения нужной информации неизмеримо выше того, что было еще двадцать-тридцать лет тому назад. Знакомство – часто опосредованное – с новыми предметами и явлениями инонационального быта и культуры делает возможным довольно широкое использование новых слов, расширение контекстов, в которых они употребляются. При этом экзотизмы, входя в периферийную часть словарного состава, не теряют своего статуса. Не случайно в лексикологии XX столетия закрепилось понятие «вечные экзотизмы». Они достаточно часто употребляются в разных контекстах, вводятся в текст без пояснений, имеют свободную и широкую сочетаемость, приобретают ту или иную коннотацию. Таким образом, процесс семантического развития экзотизмов на новой языковой почве не может быть односторонним. Значительная часть экзотизмов, утрачивая национально-культурный компонент значения, становится обычными, неэкзотическими заимствованиями. Другие остаются в ранге экзотических слов даже при наличии признаков освоенности. Третьи находятся в стадии освоения, когда предсказать их дальнейшую судьбу невозможно.

Литература

Дмитриев А. Толковый словарь 40000 иностранных слов, вошедших в русский язык, русских – старинных местных и технических, по всем отраслям знания, выражений и слов. М., 1875.

Дубровский Н. Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов, вошедших в русский язык, с указанием корней. 10-е изд. М., 1883.

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2007.

Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи XX-начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.

Михельсон А.Д. Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с объяснением их корней. 12-е изд. М., 1898.

Словарь русского языка: в 4-х томах. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н.Скляревской. М.: Эксмо, 2006.